

Вероника ДОЛИНА: Я В УЖАСЕ ОТ СВОЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

Вст. клуб - 1999. - 6 марта. - Г.С.

Фото Игоря ИВАНЦОВА

Вероника Долина стала набирать известность в конце семидесятых. Евгений Козловский в романе «Мы встретимся в раю» вспоминает о первом явлении Долиной в московских литературных квартирах и салонах. Приходила большеглазая девочка, студентка пединститута, пела несколько обаятельно-детских песенок — но вдруг переходила на серьезное, и никто не понимал, откуда берется и страсть в голосе, и трагедия, и сила. Когдатошная девочка-студентка с высоким голосом и французским языком давно стала матерью троих детей, колючей и настороженной собеседницей. Но осталась чуть ли не единственным бардом послешестидесятичного поколения, кто сумел сказать действительно свое слово.

дарство размером в один двор: дайте перегордим въездную арку цепью, призывают они, чтобы свои заезжали, а «те» — нет. Давайте несем «те» гаражи-ракушки и построим свои. Я отказываюсь все это подписывать и выдвигаю резоны: какая же это бесплодная трата сил, пусть заезжают и те, и эти!

— А ваша гитара теперь звучит иначе, чем звучала прежде?

— Да, конечно. Гитара, она ведь отчасти медицинский прибор — градусник, тонометр... Гитара выявляет, выгаскивает наружу наиболее очевидные вещи, даже если их пытаются скрыть. Но скажу так: можно жить и без гитары. Когда-то стоял единственный телефон-автомат на углу, и все к нему бежали, а теперь чуть не у каждого мобильник в кармане. Я не собираюсь делать вид, что гитара — это трубка единственного телефона-автомата, и в этом смысле не цепляюсь за нее. Я держусь за нее по старинке, потому что она семью кормит. Я привыкла думать, что есть некий неизменный природный уровень интереса слушателей к гитаре — ровно такой, чтобы мне прокормить свою семью, не больше, но и не меньше.

— Это шутка или социологическое открытие?

— И не то, и не другое. Когда я говорила так после трех лет работы, это была еще шутка, после десяти лет — подтвержденный эксперимент, сейчас, через двадцать пять, — наука.

— Расскажите, как вы начали писать именно песни? Стихи-то писали почти все интеллигентные подростки...

— Не было ничего такого особенного. Хоть нарочно придумывай историю! Не было... Середина детства нашептывала мне что-то, дедушка мой, талантливый, яркий человек, сообщил что-то изначальное о связи музыки и слова. В четырнадцать-пятнадцать лет у меня сразу стали складываться песенки, это быстро распевавалось. Я не священнодействовала, не задыхалась, все было легко. Пела родным, подругам. Я очень прислушивалась к своему старшему брату, ему было двадцать лет, он лучше меня знал поэзию. Но я понятия не имела, кто еще поет свои песни, кто есть кто, кого слушать. Со временем познакомилась с песнями Матвеевой, Окуджавы, потом Галича, но это знание только просачивалось. У меня долго не было ни их пластинок, ни книг.

— Как вы можете определить воздействие на вас творчества Булата Окуджавы и его личности?

— Не могу сказать, что он влиял в молодости. Я его знала, слушала, но в поэзии у меня были другие кумиры. Ведь тогда в большой серии «Библиотеки поэта» вышли Мандельштам и Цветаева. Когда девочкой я гадала по книге — ставила свою судьбу на строчку стихов, — то снимала с полки Цветаеву. Это потом я научилась боготворить Окуджаву, но когда нас познакомили в 1976 году, то он для меня был «дядя», чужой дядя с усамы, которого все вокруг превозносят. И я не без чувства растерянности наблюдала образ жизни небожителя: ишь, как живет! Он был очень взыскателен, не всегда милосерден, а я, закомплексованная, искала милосердия. И вот с одной стороны я закрывалась, замыкалась, но с другой — внутренне крепла, много выступала.

— В чем же Окуджава был немилосерден?

— Ну, например. Я как-то пришла к нему с идеей издать маленький сборник стихов, но Булат Шалвович как отрезал: «Зачем тебе? Да брось ты!» — «Почему же «брось»? — Он замаялся и ушел от ответа: «Не знаю...». Потом, в свое время, появился, конечно, и сборник, но как же мне в те ранние, прежние годы ужасно хотелось защиты, поддержки... Вы говорите, зависимость? Да я всю жизнь мечтала о зависимости! А разве есть такие женщины, которые не мечтают об этом? Зависеть — это резервировать в себе детство, знать, что есть кто-то старший и сильный, кто защитит и поможет. Да, сегодня я в ужасе от своей независимости, но другой жизни уже не будет.

— Вы живете в очень напряженном ритме. Хлебников сказал, что время измеряется не минутами, а ударами сердца. Как вы выдерживаете этот учащенный пульс?

— Меня с детства будоражило время, время как категория. То, что оно идет, уходит, приводит меня в ужас. Я не умею остановиться и передохнуть. Я и график появления детей своих выстраивала так, чтобы создать себе отдых, передышку. Я слышала, что носящая ребенка и кормящая женщина становится замедленной и плавной, но я только ускорила. Слово «отдых» просияло мне из облаков два года назад. Я поняла, что отдых существует и что он мне сейчас необходим. А раньше я думала, что «отдых» — это только перемена стиля, переход с кроля на брасс при плавании.

— Вы сказали, что утешаетесь литературой. Что вы сейчас

читаете, интересуетесь ли современной русской прозой?

— Боюсь, что современная русская литература утратила свою роль в мировом пространстве. В прозе Европа нас по всем статьям обставила. Впрочем, уже и двадцать пять лет назад романы Макса Фриша для меня значили больше, чем романы Астафьева, что же говорить о нынешнем положении? Я прочитала Пелевина и Сорокина, даже не без некоторого интереса, но можно ли это сравнить с тем, как Кундера разорвал, а потом снова спил мне сердце, как Эко зажег мне фонарь во лбу?

(В комнату входит огромная лохматая бело-голубая собака. Подойдя ко мне, начинает лизать ладонь мягким толстым языком. Я не отняла руку, но на лице, вероятно, что-то мелькнуло: я не люблю собак.)

— Разве вы не знаете, что собака слона целебна? Вы не собачатница? Это Гоша, староанглийская овчарка, ему семь лет. Такого щенка я увидела в Бостоне и поняла, что мне необходим именно такой щенок, это маленькое чудо. Я готова была купить его прямо там и еле-еле улетела без щенка. Но чудеса тогда уже стали появляться в Москве, и скоро я нашла Гошу. Без собаки жить можно, но с собакой правильнее.

— Правда ли, что вы начали писать прозу, но скрываете это?

— Я бы рада, но некогда. В мою нынешнюю жизнь невозможно встроить еще и прозу. Да, мне бы хотелось написать повесть... две, три... Надеюсь, когда-нибудь... Но сейчас мне необходимо выступать. Я этим кормлюсь. Я такая бабка у метро — с сигаретными коробками на груди. И раз сигареты покупают... Если я пишу сколько-нибудь сносные стихи и на них есть спрос, то это справедливо. Сейчас я запела по-французски, это резервная площадка. Помогает думать, что мне если не помоет, то полморя мне по колено. Вот если запою еще и по-английски, то море будет по колено целиком. Уже вышли шесть моих компакт-дисков, на подходе еще четыре. Пространство обживается интенсивно, но пространство — то же время, и на прозу его не остается.

— О чем пишут вам ваши слушатели?

— Пишут — куда? На деревню дедушке, Константину Макарьчу? Я и на концертах записки отсекаю. Писать мне письма бесполезно, а точнее — вредно. Я сама все напишу.

Встречалась
Елена ИВАНЦОВА

— Как вам живется сейчас? Что радует, что тревожит, что отвращает?

— Мне живется — бурно. Большая семья, подростки дети — все это живет и работает, и дышит очень интенсивно, и я вместе с ними. Радует меня больше всего самый младший член семьи. Тревожит — состояние здоровья матери. Отвращает... гидре отвращения я просто не даю к себе приближаться. К политике отношусь как к театру. А утешаюсь литературой.

Чувство брезгливости вызывает у меня попсовая культура: она липкая, ее слишком много, и можно ненароком запачкать рукав. Я говорю себе: да, есть и такое кино, и такая музыка, и, вероятно, это кому-нибудь нужно, но всего этого безумно много, и я стараюсь держаться поодаль.

— Не возникло ли у вас желания восстать на масскульт, по-

бороться против опошления культуры?

— Нет, нет! Ломать — не строить, а я по природе креатор, создатель, любая разрушительная деятельность не для меня. Я за то, чтобы каждый делал что-то свое, а не боролся. В созидании и будет, если угодно, заключаться противостояние пошлости.

— Вы сказали, что за политической следите, как за театральным представлением...

— Да, и сужу политиков по законам актерской успешности. Если сказать банально, я острейший поклонник Ельцина. Это настоящий актер, просто мой актер. Кто работал в искусстве, тому хватает фантазии понять принципы его игры.

— Ваше творчество начиналось в так называемые годы застоя. Многие вспоминают их теперь как время своеобразного уюта, уверенности, стабильности. А вы как к ним относитесь?

— Насчет уюта я попробую объяснить: мы жили под пятой у государства, а нам казалось, что на его ладони. Все было неизменно и прочно устоявшимся. Зима — это елка, лыжи, лето — это море, отпуск. И так год за годом. В сегодняшней нашей джунглевой жизни закономерностей крайне мало. Мы одичали. Вероятно, для особой породы сильных людей это не только сносно, но и привлекательно. У сильных — всегда винтовка у изголовья, они сами себе закон. Мы наблюдаем какое-то ежeminутное утверждение идеи Людовика XIV: «Государство — это я». А мне всегда хотелось, чтобы государство — это было государство, а я — это я. Есть прелесть в том, когда тебя опекают. В прежние годы эта опека существовала, а сейчас — тютю. Сегодня все — школьник, банкир, вор, обыватель заботятся сами о себе. В нашем подъезде люди в роскошных шубах ходят с подписным листом, чтобы оградить свое госу-